

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

• ОГНЕННЫЙ • МОСТ

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Огненный мост

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Огненный мост / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2021 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-122281-9

Готовя летне-осеннюю кампанию 1942 года, германское командование активизировало заброску диверсионных групп в Поволжье. Одной из целей абвера стал Саратовский железнодорожный мост – важная стратегическая артерия, соединяющая тыл с фронтом. Выявить и уничтожить опасного врага поручено подразделению во главе с майором Максимом Шелестовым. Оперативникам удастся выйти на след вражеской группы, готовящей атаку на мост. Но в последний момент становится известно, что это – всего лишь группа прикрытия. Основные же силы противника могут нанести удар по объекту в любое время...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122281-9

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Александрович Тамоников

Огненный мост

© Тамоников А. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Горячее августовское солнце как будто зависло над спортивным городком. Неподвижный воздух был напитан ароматами заброшенных фруктовых садов, запахами прелых трав и полевых цветов. А еще в нем так же неподвижно висела пыль, выбитая из земли сапогами курсантов, запах пота и густой русский мат, то и дело вырывавшийся с хрипом из измученных глоток людей. Диверсионная школа абвера, работавшая под вывеской «Дорожно-строительная колонна № 27» с номером полевой почты № 00220, функционировала, как хорошо отлаженный конвейер. Начальник школы капитан Лун был человеком энергичным и отличался творческим нестандартным подходом в своей профессиональной деятельности. Одной из главных его забот, кроме подготовки агентов, была еще и вербовка кандидатов.

Вербовались будущие диверсанты не только в концлагерях для советских военнопленных. Среди населения работали полномочные представители начальника лагеря. Они черпали будущие кадры среди беженцев, безработных, людей с криминальными наклонностями, которые попадали в поле зрения немецких оккупационных властей. Претенденты прибывали в лагерь, где и проводилась окончательная вербовка. А потом – два месяца интенсивной подготовки.

Два часа перед обедом были самыми трудными. Без передышки, до одури, курсантов гоняли на спортивном городке, по полосе препятствий. До безупречности отрабатывали приемы приземления на парашюте, плавания в одежде и сапогах. После обеда полчаса перекур и теоретические занятия: изучение советских гражданских и военных документов, реальной обстановки в глубоком тылу в промышленных зонах, знакомство с системой работы милиции, местных органов власти. Вечером – зубрежка новых материалов, индивидуальная психологическая обработка, иногда внезапные «тревоги» по ночам.

Тех, кто не выдерживал или на чей счет у руководства школы возникали сомнения, отправляли в концентрационные лагеря Полтавы, Киева, Умани. Так охранялась секретность школы. Человек, знавший о ней, не должен был выдать эту тайну. И он исчезал.

Невысокий, с тонкими чертами лица и хитрыми прищуренными глазами, капитан Лун был удивительно похож на крысу, принимающуюся к куску сыра. У окна кабинета, выходящего во внутренний двор школы, рядом с начальником школы стоял высокий стройный человек с аккуратно подстриженными усами. Он смотрел на курсантов, занимающихся на полосе препятствий, и хмурил светлые брови.

– Скверный материал, – пробормотал он.

– Что вы сказали? – почти без акцента спросил начальник школы. – Вы недовольны подготовкой своих соотечественников?

– Вы не сможете подготовить их лучше, – пояснил мужчина с усами. – Дело не в том, что они мои соотечественники. Большинство курсантов не способны стать диверсантами и разведчиками. Физические данные не те, способности низкие. Вы набираете курсантов в самой низкой непрофессиональной среде.

– Вы очень умный человек, Храпов, – с сарказмом заметил Лун. – Вы в самом деле полагаете, что Германия будет тратить много сил и средств, чтобы подготовить агентов, которым нужно выполнить только одно простое задание? Одно, понимаете? Это расходный материал, одноразовые детали большого механизма. Мы выполняем приказ о тотальной заброске. Наша задача: наводнить Советский Союз диверсантами, это – как высыпать в подвал с продуктами ведро тараканов. Не важно, сколько из них подохнет по пути, сколько переловит НКВД и милиция. Главное, чтобы их было много, чтобы ваша родина, штабс-капитан, захлебнулась от обилия этой мрази. Они вам не нравятся? Меня тоже тошнит от них, но кто-то же должен работать и ассенизатором!

– Значит, и я для вас расходный материал? – Храпов повернул голову к начальнику школы.

– Вас ценит мое руководство, – ушел от ответа немец. – А я солдат и всегда выполняю приказы. Если мне сказали, что вы нам нужны, значит, я буду с вами работать. Но меня мало волнуют ваши возвышенные идеи. Мне все равно, кто из вас по какой причине работает на Германию. За деньги, из желания выжить, из-за обиды на советскую власть, от страха. Мне все равно.

– Вам не понять, что значит для человека Родина? – удивился Храпов. – Мне казалось, что немцы сентиментальная нация.

– Послушайте, Храпов. – Лицо Франца Луна стало каменным и холодным. – Никому не дано обсуждать нашу нацию. Даже вам. Отправляйтесь отрабатывать свой кусок хлеба, свое имя, о котором вы мечтаете. Что там вас еще привлекает?

Храпов от такого замечания сам превратился в кусок камня. До такой степени сжались его зубы, что кажется, вот-вот – и брызнет крошками эмаль. Затвердели скулы, руки в локтях стали стальными. Коротко опустив в кивке голову и щелкнув каблуками, бывший штабс-капитан повернулся и вышел из комнаты. «Убивать, – шептал он себе под нос, – убивать. Если бы я ненавидел большевиков меньше, чем вас, я давно бы заложил бомбу под это осиное гнездо! Господи, как стыдно, что приходится марать руки и сотрудничать с этими выродками. Если бы не цели... Дорога в ад выложена благими намерениями!»

Храпов не понимал, как можно работать, как можно готовиться к заброске, даже не зная цели группы! Недоверие, презируют всех русских! Эх, отольются вам наши слезы – дайте только срок...

Но бывший штабс-капитан Храпов, член Русского общевойскового союза¹, понимал, что без помощи Германии большевиков не победить. Да, фюрер никогда открыто не обещал землю и власть в новой России после победы над ней русскому дворянству, не говорил о восстановлении монархии или демократического строя. Он видел новые земли лишь колониями для немецких арийских поселенцев. Но все же те из русских, кто пошел на сделку с Германией, надеялись, что со временем они сыграют определенную роль в глазах фюрера, что многое изменится в лучшую сторону. Что Россия станет прежней.

Храпов не знал, что капитан Лун долго смотрел ему вслед из окна своего кабинета, напряженно о чем-то размышляя.

– Разрешите? – раздался за спиной голос.

Немец повернулся. Инструктор по диверсионной работе Базанов, как всегда, стоял и потирал руки. Возникло ощущение, что он только что вышел из скотобойни. Но, заметив взгляд Луна, инструктор тут же опустил руки и вытянулся в почтительном ожидании. «Мясник, – снова подумал немец, глядя на инструктора. – Видел, как он бьет курсантов, как наказывает за проступки. Всегда обязательно до крови».

– Группа готова?

– Так точно, господин капитан, – уверенно отозвался Базанов.

Трое курсантов, одетых в одинаковые темно-серые комбинезоны, вошли и вытянулись перед начальником школы. Лун знал в лицо и по фамилиям всех курсантов. Обычно в школе их было не больше 50–60 человек. Лично проверяя подготовку, посещая занятия, капитан запоминал их со всеми сильными качествами и слабыми сторонами.

Старший группы Григорий Ведерин. Крупный, сильный. Настоящий русский медведь. Артиллерист, попал в окружение весной этого года. Родом из глубинки. На вербовку пошел

¹ *Русский общевойсковой союз* (РОВС) – русская воинская организация, созданная 1 сентября 1924 года в рядах Белой эмиграции бароном Врангелем. Первоначально союз объединял военные организации и воинские союзы во всех странах русского зарубежья, в настоящее время объединяет потомков участников Белого движения и их единомышленников.

сразу. Беспринципный человек. Главное для него – сытная кормежка и возможность чувствовать власть над другими. Этот будет держать группу в кулаке, этот хочет вернуться, получить награду и снова иметь сытную кормежку. Скот. «Боров, а не медведь», – хмыкнул про себя немец.

Невысокий худощавый Илья Пашко. Из местных жителей, родом из-под Харькова. Был безработным, слонялся по городам и весям. Попался на мелком воровстве. Искренне верит, что немцы установят на Украине настоящий порядок ради украинцев. Готов на все, но слишком любит жизнь и удовольствия. Поэтому легко пошел на вербовку, но поэтому же легко и предаст, если ему пообещают жизнь и удовольствия. Хороший исполнитель, с выдумкой, но нуждается в постоянном контроле.

Высокий бледнолицый Архип Санин. Утверждает, что перебежчик. Добровольно сдался немецким солдатам. Убежденный противник советской власти. Подтвердить, что из кулаков, не может. Но в подслушанных беседах с другими курсантами демонстрировал непримиримую ненависть к Советам. Темная личность. Было подозрение, что Санин заслан в школу подпольщиками, что он партизан или разведчик с той стороны. Проверку ему устроили простую, но эффективную. Включили в расстрельную команду. Пришлось разыграть спектакль и поставить к стенке двух не выдержавших подготовки курсантов, подлежащих отправке в лагерь. Лун распорядился завязать рты жертвам, чтобы не кричали лишнего. Архип Санин и еще пятеро курсантов сделали свою работу спокойно, без нервов. Ничто не изменилось в лице Санина, когда он бросил последний взгляд на тела убитых. Равнодушие. Этот будет убивать, будет взрывать. И захочет вернуться, потому что там его самого поставят к стенке. А Санин мечтает о своем хуторе, коровах, о тракторе и бескрайнем поле пшеницы и подсолнечника, о маслобойне. Красиво он о своих мечтах говорит. Доносили о таких разговорах.

– Вы хорошо подготовлены, – отойдя к окну, заговорил Лун. – Руководство школы вами довольно. За хорошую учебу вам положена премия, но она будет храниться в моем сейфе и ждать вашего возвращения. Когда вы выполните задание и вернетесь, то получите награду. Хорошую награду. Вы сможете купить себе дом или выбрать любую квартиру в городе. После войны у вас образуется круглая сумма на счете, и вы сможете жить безбедно. Женитесь, родите детей. Ваши дети будут гордиться вами, когда по праздникам вы наденете костюм с наградами. Но помните, что измена, предательство, трусость – этого великий рейх вам не простит. Мы чтим своих героев, но и строго караем предателей. Сегодня можете отдыхать, но – ни грамма алкоголя!

Когда Базанов вывел курсантов на улицу и разрешил им быть свободными, все трое молча продолжали топтаться на месте.

– Пить нельзя, а то бы нарезаться сейчас, – проговорил Ведерин.

– Нарезаться? – ехидно хмыкнул Пашко и сплюнул себе под ноги. – А чего это? Нервы, что ли, шалят? Я бы вот по бабам сейчас пошел. Так не выпустят же за ворота.

– Выспаться надо, – флегматично произнес Санин. – Когда еще придется.

Поздние совещания у Сталина были делом уже давно привычным. Нервозность первого года войны постепенно прошла. Сотни крупных предприятий были эвакуированы на Урал, в Сибирь. Нечеловеческие усилия рабочих и инженеров позволили в кратчайшие сроки возобновить производство необходимой фронту продукции, оружия и боевой техники. Враг отброшен от столицы, наращивается производство в оборонной сфере.

Но положение на фронтах по-прежнему напряженное. Развернулась битва за Кавказ. Немецкие войска рвались к бакинской нефти, танковые клинья вышли к Дону. Еще немного – и враг отрежет южные районы страны, разорвет коммуникации, которые так важны для армии и производства.

Сегодня в Кремле в кабинете Сталина собрались за столом руководители оборонных наркоматов. Сидели молча, напряженно просматривая принесенные с собой материалы, отчеты,

докладные записки, пытаюсь освежить в памяти цифры. Кое-кто переговаривался с сидящими рядом товарищами, пытаюсь продемонстрировать свою уверенность.

Сталин поднялся из-за своего стола, неторопливо набил трубку, стоя к наркомам спиной. Он чувствовал, как напряжение в кабинете растет. «Боятся, – думал Сталин, шуря свои желтые глаза. – Пусть боятся, тогда работать из страха будут еще больше и лучше». Когда тебя гладят по голове, начинаешь чувствовать себя любимчиком и невольно надеешься на прощение своих недоработок и оплошностей. А вот когда каждый знает, что кроме поглаживания по голове, кроме орденов и премий, можно попасть и под расстрел, тогда работа начинает кипеть с удвоенной силой.

– Я думаю, товарищи, что каждый из вас понимает, что расслабляться нам рано, – повернувшись к наркомам и попыхивая трубкой, заговорил Сталин. – Мы много сделали за эти полтора года войны. Пока наша славная Красная Армия, не щадя себя, билась с сильным и коварным врагом, заступала ему путь к Москве и Ленинграду, мы с вами сумели совершить невозможное – эвакуировать оборонную промышленность на восток. Подальше от фронта. Но оказалось, что этого мало, рано почивать на лаврах. Наши ресурсы неисчерпаемы, но их нужно доставлять к фронту, сырье нужно доставлять заводам. И самим оборонным заводам, кующим в тылу нашу победу, тоже надо думать о своей безопасности. Я думаю, товарищи, что мы позволим провести это совещание товарищу Берии.

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Никто не посмел опустить глаза, изображая одобрение. Ведь именно Лаврентий Павлович курировал оборонный комплекс.

– Разрешите, товарищ Сталин? – Берия, как на пружинах, поднялся со своего места, расправил гимнастерку под ремнем.

Он очень любил появляться на совещаниях с гражданскими наркомами в военной форме. И наоборот – в гражданском костюме на совещаниях с военными. Это как бы подчеркивало его особенность в иерархии советского правительства, делало его особенным в глазах других товарищей.

– Как всегда, товарищ Сталин очень верно расставил акценты, – продолжил Берия, – работать, работать и еще раз работать. Мы здесь, в тылу, должны быть достойны подвигов наших бойцов на фронтах. Но что я наблюдаю, о чем я докладывал товарищу Сталину, советуясь с ним, что мы можем сделать еще лучше, что исправить. Самоуспокоение многих наших директоров предприятий, наших красных командиров производств. Враг не дремлет, он пытается добраться своими кровавыми руками до наших кровеносных сосудов, до нашего горла. Еще много врагов скрывается внутри страны. Оперативники и следователи выявляют их без сна и отдыха. Но нельзя все сваливать только на НКВД, нельзя все сваливать на армию. Война идет не только на фронте, она идет и в тылу. И все мы с вами находимся на передовой этой войны. Каждый на своей передовой. У каждого из вас свой участок обороны!

Берия промокнул лоб с глубокими залысинами платком и сунул его небрежно в карман. Он успел бросить взгляд на Сталина, оценить, все ли он так говорит, правильно ли формулирует. Сталин стоял лицом к окну и покуривал трубку. Значит, правильно. Если бы что-то было не так, Сталин бы повернулся и недобро сверлил бы его глазами, а потом резко стал бы клеймить, хриплым злым голосом, тыкая пожелтевшим мундштуком трубки в сторону виновного.

– Надо быть не только достойными подвига нашего народа, но и оправдать его доверие. Не товарищ Сталин, не Берия поставили вас на ваши посты. Вас поставил и доверил вам заводы наш народ! Надо быть рачительными хозяевами. Кто лучше директора завода знает свое производство, территорию предприятия? Кто лучше наркома знает все, что происходит в его отрасли, какие есть сложности и трудности? Кто лучше директора завода, кто лучше рабочих его предприятия знает, как уберечь от врага народное достояние...

Наркомы сидели, покручивая в руках карандаши и гадая, куда клонит всесильный Берия. Что доверил ему сегодня Сталин? Запугать, вывести на чистую воду, публично покарать? Каж-

дый косился на соседа, пытаясь разгадать его реакцию. Кто сегодня фаворит, а кто – отработанный материал?

– Народ все видит, – продолжал Берия. – Ведь он вооружен оптикой, которую производит товарищ Добровольский.

Нарком еле заметно вздрогнул и чуть не сломал в руках карандаш. Неделю назад был арестован инженер Красногорского механического завода, обвиненный в пособничестве врагу. Косился на товарищей и нарком вооружения Устинов. Еще не закончилось разбирательство с жалобой на партию пистолетов ТТ с Ижевского машиностроительного завода № 74.

– Вчера мы с товарищем Сталиным обсуждали этот вопрос, – доверительно понизил голос Берия. – И нашли правильными идеи товарища Зальцмана². Нужно активнее использовать рабочих для выявления врагов, пособников и диверсантов. Рабочие знают друг друга, знают семьи своих товарищей. Не только военизированная и вооруженно-вахтерская охрана должна быть защитой. Смелее надо создавать истребительные батальоны, как это сделано в Саратовской и Куйбышевской областях. Могу привести пример работы Саратовского паровозоремонтного завода. Там тоже не стали ждать, пока все сделают за них товарищи из НКВД! Надо не только уметь делать танки, надо уметь и защищать свой завод! Учитесь, товарищи. Кто хочет, тот делает, у того получается. Ну а кто не хочет...

Берия засмеялся и развел руками. В кабинете снова повисла гнетущая тишина. И в этой тишине прозвучал тихий голос Сталина, решившего поддержать шутку:

– ...тем придется подождать товарищей из НКВД. Они помогут.

Когда после платформы Лосиноостровской из вагона электрички вышли почти все пассажиры, Максим Шелестов с наслаждением вытянул ноги. Они гудели, рубашка под пиджаком неприятно прилипла к телу. Двое суток на ногах, а август в этом году выдался жаркий. Он успел увидеть, понять Москву, сравнить ее со столицей 1941 года. И сейчас Москва жила по законам прифронтового города. Строго соблюдался комендантский час, улицы патрулировались красноармейцами, на ветровых стеклах автомашин были наклеены пропуска. Да и окна домов по-прежнему были заклеены крестообразно бумажными полосами. И обязательная светомаскировка в темное время суток. Вечером над городом всплывали сотни аэростатов воздушного заграждения. В магазинах и столовых продукты все еще отпускались строго по талонам.

Максим понимал, что в городе люди живут далеко не сытно, но это было приметой военного времени, недоедала вся страна, отдавая все необходимое в первую очередь армии. Но главное, что увидел Шелестов, это спокойствие в глазах москвичей. Он почувствовал, что город не боится повторения прошлогодних событий, что врага больше не пустят под стены Москвы. А ведь война все еще шла, тяжелая война, и конца ей не было видно. И армии было тяжело: она все так же обливалась кровью, сдерживая фашистов на пределе своих возможностей.

Группу Шелестова поселили в старом дачном поселке Валентиновка за пределами Москвы. Почему Платов выбрал именно его для размещения группы, Шелестов не знал. Очевидно, важнее была удаленность от столицы, где, проживая на конспиративной квартире, все равно можно было запросто попасться на глаза кому-то из старых знакомых – сослуживцев или соседей по прежней квартире. Ясно, что секретность группы сейчас важнее всего.

Дом был старый, еще первой постройки 1906 года, когда создавался этот поселок. И чувствовалось, что в нем постоянно кто-то жил. Это всегда чувствуется, стоит только войти в дом: живут в нем или он долго стоял без людей. И дело даже не в запахах или слое пыли на мебели... Скорее всего, это была постоянная секретная база для сотрудников Платова, прибывающих в столицу. Соблюсти секретность в поселке было просто. Население – сплошь интеллигентное, нелюбопытное. Дома с высокими дощатыми заборами и густыми зарослями черемухи. За те

² Исаак Моисеевич Зальцман – с июля 1942-го по июнь 1943 года нарком танковой промышленности.

несколько дней, что пришлось просидеть безвылазно в доме, Шелестов просмотрел небольшую библиотечку в шкафу. Попался чей-то рукописный дневник, в котором описывались именитые жители поселка, проживавшие здесь в разные времена. Оказывается, в Валентиновке какое-то время жил и работал театральный режиссер Станиславский, поэты Борис Пастернак и Анна Ахматова. А незадолго до войны здесь поселилась Марина Цветаева.

Это были странные ощущения – близость к искусству, прикосновение к великому и война. Красивейшие движения человеческой души и кровь, много крови и горя. И все же, живя всего несколько дней в Валентиновке, Шелестов стал ощущать какое-то успокоение, душевное равновесие. Или это просто по прошествии времени стали забываться камерные ужасы, все пережитое и несправедливое?

– Дяденька, у вас пуговица скоро оторвется!

Максим открыл глаза, чувствуя, что на минуту задремал. Непростительная слабость! Девчонка лет шестнадцати, сидевшая напротив с книгой, оказывается, с интересом разглядывала его. Перехватив взгляд попутчицы, Шелестов уставился на пуговицу на рукаве пиджака. Она и правда держалась всего на двух нитках. Улыбнувшись, Максим дернул пуговицу и сунул ее в карман пиджака.

– Спасибо! Дома жена пришьет, – с улыбкой подмигнул он девчонке. – Хорошо подсказала, а то потерял бы.

– Нет у вас жены, – задорно махнула рукой девчонка.

Шелестов мысленно ругнул себя крепким словом. Это где же он так промахнулся, что обычная сельская девочка его раскусила? Казалось бы, обычный мужчина в стареньком мятом костюме. Ботинки в меру стоптанные.

– А с чего это ты решила, что у меня жены нет? – Шелестов сделал шутливые большие глаза. – Ишь, глазастая какая пигалица! Подумаешь, пуговица!

– А что, и глазастая! – засмеялась девочка. – Вы думаете, раз пуговица оторвалась, так вам ее и пришить некому. Думаете, что я из-за нее так решила? Не-а! У вас пуговица на рукаве пришита не такими нитками, как другие. Нитки черные, а толщина разная.

– Эх, деточка, – Шелестов вздохнул, изображая немыслимую горесть, чтобы его слова показались девочке убедительными. – Ты, наверное, москвичка? С самого начала войны в городе жила? Как тебя зовут?

– Меня Маша зовут, а что?

– А то, Машенька, что в других городах хуже со снабжением, чем в Москве. Некоторые только что от фашистов освободили. И там трудно достать нитки. Уж тем более такие, какие хочется. Вот и пришиты пуговицы разными нитками.

– Ой, простите! – Глаза у девочки стали большими, круглыми и очень виноватыми. – Правда, простите! Я часто болтаю, не думая. Слетает с языка, а потом жалею. Вы на фронте были, да? Ближе к фронту, там, где фашистов недавно прогнали. Я знаю, читала, как там трудно людям. Я что, у меня мама актриса театра. Только когда театр эвакуировали, она пошла работать швеей, шить одежду для фронта.

Шелестов закусил губу. Вот точно, болтает все подряд, того и гляди сболтнет первому встречному, что нитки у них дома есть именно потому, что мама работает на швейной фабрике. Понятно, что войну мы не проиграем, если одна женщина возьмет домой пару метров ниток. Пусть даже каждая работница возьмет по паре метров ниток. Страна не погибнет, даже не почувствует, но ведь мать этой девочки может пройти через те ужасы, с которыми Шелестов был так хорошо знаком. Камеры, унижения, боль, стыд и позор на всю оставшуюся жизнь. Поморщившись, Максим перевел разговор на другую тему:

– А ты чего одна едешь? Мама где? Не боишься ездить в загородных электричках?

– А кого бояться? – Девочка подсунула под себя руки и беспечно болтала ногами. – Люди кругом – добрые, они всегда друг другу помогают. Да и знаю я почти всех, кто тут ездит. Вас вот

первый раз увидела, а так тут только дачники ездят, да кто в деревнях возле дачных поселков живет.

Они поболтали еще: о людях, о погоде. Узнав, что Маша едет в Валентиновку, Шелестов заявил, что ему ехать гораздо дальше. Если бы попутчице было лет двадцать, Максим вполне мог бы заподозрить, что она подослана НКВД или вражеской агентурой.

«Вот так мы перестаем верить людям, – со вздохом подумал он, – простым советским людям. Обычная девчонка – очень хорошая, добрая, симпатичная. Наверное, следующим летом окончит школу и выйдет во взрослую жизнь. Она сейчас вокруг очень взрослая и страшная жизнь-то, но эта девочка умудряется жить в мире иллюзий. Какая гибкая психика у детей! Но потом ей придется взрослеть, придется идти работать, чтобы помочь фронту, или пойти учиться на связиста, санинструктора. И на фронт? Господи, хоть бы к тому времени война кончилась! Или перелом наступил, чтобы не было необходимости брать в армию вот таких девочек. Ну вот, теперь я окунулся в мир иллюзий, – подумал Шелестов с неудовольствием. – Не кончится война к лету будущего года. Тяжело думать об этом, но нам еще воевать и воевать, чтобы переломить хребет Гитлеру. А ведь дело не закончится тем, что мы вышибем вражескую армию со своей территории. Это же элементарно: надо идти до конца, идти в Европу и добивать зверя в его логове, надо до его глотки добраться и придушить. Иначе война не закончится. Только так! А значит, еще не скоро...»

– До свидания, дядечка! – Маша встрепенулась, когда электричка, сбавив ход, поползла вдоль платформы.

Схватив авоську с двумя буханками хлеба, девочка поспешила к выходу, следом потянулись еще несколько пассажиров. Шелестов с улыбкой проводил взглядом худощавую, но уже вполне сформировавшуюся девичью фигуру, оглядел ее стройные загорелые ноги в стоптанных сандалиях, потрепанное ситцевое платье и непослушные волосы наполовину распустившихся кос. Дождавшись, когда Маша скроется в тамбуре, Шелестов поднялся и пошел к другой двери вагона. Кажется, никто к его персоне не проявлял интереса. В вагоне остались только две пожилые женщины да старичок в белой панаме, читавший газету.

На платформе было мало людей, поэтому Шелестов открыл противоположную дверь и прыгнул на щебень насыпи. Электричка вскоре тронулась. Теперь можно было двигаться и самому. Как понял Максим, почти все сошедшие здесь пассажиры отправились в сторону Василевского и Сосновки. Кто пешком, кто на велосипедах. А за кем-то приехал настоящий рессорный тарантас, кучером на котором восседал с горделивым видом деревенский босоногий паренек в кепке со сломанным козырьком.

Маши не видно было. Наверняка она уже топает своими длинными ногами по тропинке через лес. До Валентиновки здесь недалеко, если идти напрямик по тропе. По проселку ездят на телегах и машинах, но это крюк почти в два километра.

Показываться людям в этих местах Шелестову было совсем ни к чему. Войдя в лес, Максим сбавил шаг, покрутил головой, прислушиваясь, и не удержался – вдохнул душистый воздух полной грудью. Как же хорошо-то! Лес благоухал ароматами трав и последних летних цветов. Он был пропитан прелым запахом прошлогодних листьев. В воздухе вились стрекозы, проносились большие жуки, а в стороне от тропинки пели и перекликались лесные пичуги.

Шелестов быстрым шагом двинулся по тропе. Хватит наслаждаться, пора думать о предстоящей операции. Два дня он провел в Москве на Лубянке, где в специально отведенной комнате его знакомили с материалами, не подлежащими выносу. Конечно, он был там под другой фамилией, с пропуском, выписанным на другого человека. Эту заботу взял на себя старший майор Платов. Теперь предстояло проинструктировать группу, продумать схему работы.

Короткий вскрик. Шелестов замер на месте, медленно опустил ногу, поднятую для следующего шага. Что это? Человеческий голос или крик птицы? Если человеческий, то явно женский. Женщина в лесу кричит... а с электрички сошла школьница Маша, которой тоже в

Валентиновку! За эти двое суток в Москве, пока Шелестов работал в кабинете на Лубянке, а ночевать шел на конспиративную квартиру, он не слышал ни о бандах, ни о грабежах. А ведь если бы такое бывало, то в народе ходили бы слухи. Кажется, прошлогодний указ о признании Москвы на осадном положении сыграл свою роль. Сколько было расстреляно на месте преступления воров, грабителей и насильников!

Ноги сами понесли Максима вперед, хотя сознание говорило, что он не имеет права вмешиваться, что бы там ни происходило. Ему нельзя светиться, нельзя лишний раз показываться местному населению в том месте, где временно базируется его группа, готовясь к новой операции.

Впереди мелькнула фигура. Ясно, что это мужчина в светлой тенниске с синим воротником. Кажется, их там двое. На втором белые суконные полуботинки. Тропа прямая, просматривается в обе стороны метров на сто.

Максим решительно шагнул в сторону. Пригибаясь, он быстро обошел кустами прямой участок тропы. Дважды умудрился наступить на сухие ветки, но, видимо, этот звук не привлек внимания людей на тропе. Скорее всего, им было не до звуков безлюдного леса.

Шелестов стиснул зубы, разобрав, как Маша пытается крикнуть, но ей зажимают рот. Он узнал девочку по голосу.

– Мерзавцы, – прошептал Максим вполголоса, когда увидел наконец двух молодых мужчин, поваливших девочку на траву и задравших подол ее тонкого цветастого платья.

Маша билась из последних сил, брыкалась ногами, и насильникам никак не удавалось с ней справиться. Сейчас их терпение лопнет, и тогда негодяи начнут ее бить!

Оглянувшись по сторонам, Шелестов бросился вперед. Насильники не видели его, он был за их спинами. Вытаращенные, полные ужаса и отчаяния глаза девочки смотрели на него поверх широченной ладони, зажимавшей ей рот. Резкий удар ребром ладони чуть ниже уха бросил одного из нападавших на землю. Мужчина в тенниске повалился как куль, но второй оказался проворным. Он откатился в сторону и тут же вскочил на ноги, широко расставив руки. В ярком луче солнца блеснуло лезвие складного ножа.

– Ты че, мужик? – оскалился нападавший. – В герои решил записаться? Так я тебя пропишу сейчас по этому адресочку.

Маша, всхлипывая и судорожно одергивая подол платья, стала отползать к дереву. От страха у девочки не было сил даже подняться на ноги. Шелестов, фиксируя взглядом руку с ножом, стал медленно приближаться к бандиту. Гадко ухмыляясь, тот делал обманные движения вооруженной рукой, имитировал выпады вперед, перемещался то вправо, то влево. Было очевидно, что этот тип имеет большой опыт подобных потасовок. Но он и представления не имел о навыках человека, стоявшего перед ним.

Максим мог убить насильника буквально за секунду, несмотря на все его хитрые телодвижения. Он мог обезоружить его, мог покалечить, мог оставить в живых. Но сейчас Шелестова душила такая злость, что ему захотелось причинить этому гаду как можно больше боли. Но и пугать до конца девочку ему тоже не хотелось. И вообще, возиться долго было нельзя. Не дай бог появятся люди или милиция.

Умышленно открывшись, Максим шагнул вперед. Уголовник отреагировал мгновенно. Сделав финт правой рукой и поднырнув под возможный защитный удар, он нанес удар ножом в пах. Точнее, попытался нанести. Шелестов предвидел его выпад. Фактически он спровоцировал противника именно на такой ход.

В один момент запястье бандита оказалось в руке Максима. Насильник не успел выдернуть руку и рвануться всем телом назад. Шелестов мгновенно переместился вбок и резким ударом опустил противника локтем на свое колено. Что-то хрустнуло, мужик болезненно вскрикнул. Нож упал на землю. Отшатнувшись назад, скривив рот, потерпевший собрался было разразиться страшными блатными ругательствами и угрозами. Но в этот момент Шелестов

нанес ему сильный удар ногой в промежность. Противник, ахнув, согнулся пополам, зажимая руками ушибленное место. Максим взял его за волосы и, подставив колено, резко рванул голову вниз. Истошный вопль огласил лес. Насильник повалился на траву рядом с телом своего приятеля. Он зажимал ладонями лицо и катался по траве, обливаясь кровью.

Терять время и наслаждаться победой было некогда. Схватив Машу за руку, Максим потянул ее в лес, надеясь сократить путь через березняк.

– Бежим! Быстрее, – крикнул он, не выпуская руку девочки.

– Дядечка... я не могу, – простонала Маша. – Ноги трясутся. Я не могу!

– Ах ты, стрекоза! – ободряюще засмеялся Максим, подхватил девочку на руки и пошел быстрым шагом.

Маша доверчиво обхватила его руками за шею и начала плакать.

– Ничего, – тихо проговорил Максим, – все забудется. Ничего страшного не случилось.

В доме было тихо, только над столом хрипела и дребезжала черная тарелка репродуктора. Коган и Сосновский лежали на кроватях и, глядя в давно не крашенный потолок, слушали сводку Совинформбюро. Буторин сидел за столом и чистил старенький примус, подстелив по нему прошлогоднюю газету.

«Итоги трехмесячных боев на советско-германском фронте (с 15 мая по 15 августа). Красная Армия вела и ведёт ныне в районе Воронежа, в излучине Дона и на Юге непрерывные кровопролитные бои против наступающих немецко-фашистских войск. Эти бои носят крайне ожесточенный характер. Немецко-фашистские оккупанты захватили в районе Дона и на Кубани большую территорию и важные в промышленном отношении города – Ворошиловград, Новочеркасск, Шахты, Ростов, Армавир, Майкоп. Хотя большая часть населения занятых немцами районов была эвакуирована, хлеб и оборудование заводов вывезены, а частично уничтожены при отходе, Советский Союз понес за это время значительные материальные потери.

За истекшие месяцы ожесточенных боев на советско-германском фронте Красная Армия в упорных боях нанесла немецким, итальянским, румынским и венгерским захватническим войскам огромный урон в людях и боевой технике. За три месяца активных боевых действий летом этого года, с 15 мая по 15 августа, немцы потеряли 1 250 000 солдат и офицеров, из них убитыми не менее 480 000. Они потеряли, кроме того, 3390 танков, до 4000 орудий всех калибров и не менее 4000 самолетов.

Потери советских войск с 15 мая по 16 августа составляют: убитыми, ранеными и пропавшими без вести 606 000 человек, 2240 танков, 3162 орудия всех калибров, 2198 самолетов. Набившие руку на фальшивках гитлеровцы жонглируют головокружительными лживыми цифрами. Так, 12 августа с. г. немцы опубликовали сообщение об итогах весенне-летних боев этого года. Гитлеровцы утверждают, что немецкие войска за этот период якобы взяли 1 044 241 пленного, захватили или уничтожили 10 131 орудие, 6271 танк и 6056 самолетов! Опубликованные Совинформбюро фактические данные о потерях Красной Армии начисто отматают лживые сообщения гитлеровцев...

В течение сегодняшнего дня наши войска вели бои в районах Клетская, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Минеральные Воды, Черкесск, Майкоп и Краснодар...»³

– Значит, и вам веры не было, – проговорил Коган, подложив руки под голову. – Зачем держать МИД, внешнюю разведку, если никому не верят?

– Ты о чем? – нахмурился Сосновский.

– Обо всем, – огрызнулся Коган. – О дипломатах, о тебе, о себе. Вон о Викторе.

– Я тебе чем лежать мешаю? – угрюмо спросил Буторин, повернув голову с седым ежиком в сторону Когана.

³ Из сводки Совинформбюро от 18 августа 1942 года.

– Не мешаешь, – хмыкнул Коган. – Взялся починить примус, чини. Максим Андреевич сегодня должен вернуться. Может, пожрать чего вкусенького принесет. А то эта каша на воде уже в горло не лезет. Я просто хочу знать, почему, когда только ленивый не сообщал о предстоящей войне, все равно информация ставилась под сомнение?

– С чего ты взял, Борис, что ставилась под сомнение? – ровным голосом осведомился Сосновский. – Все учитывалось, все принималось к сведению. Просто у правительства была надежда отсрочить ее начало. Каждый выигранный месяц мог усилить нас. Вы же знаете, что «тридцатьчетверки» едва успели запустить в серию до начала войны, оснастить хоть какую-то часть соединений новыми танками. Про «КВ» я вообще молчу. А новые «яки»? Они же на порядок совершеннее наших «И-16»!

– Это понятно. Но понятно и то, что они все остались на аэродромах, по которым враг нанес бомбовые удары в первые часы нападения. Говорят, не успели отремонтировать и модернизировать все военные аэродромы, поэтому такая скученность самолетов была на запасных и полевых временных аэродромах. Мне говорят, и я верю, хочу верить, потому что думать, что это вранье, – тогда лучше застрелиться. Но я хочу и другое знать. Я хочу знать, почему нам не верят. Когда не верят, это самая страшная пытка. Такая война, а тебе не верят.

– А ты многим верил, следовательно? – вытирая руки старой рваной наволочкой, спросил Буторин. – Верить тоже опасно. Ты чего завелся? Застрелиться хочешь? Никто не мешает. А только в такое время лучше думать о другом: как Родине помочь, как пользу принести, как забыть все, что было. Потому что обида будет глотать тебя, пока ты ошибку во время операции не совершишь. Может, хватить ныть, Боря?

– А я не ною! – Коган вскочил с кровати и начал ходить из угла в угол, возбужденно потирая руки. – Я просто боюсь. Боюсь ничего не знать. Да, враг не прорвался к Москве, но теперь он подползает с юга. А мы ничего не можем сделать. Сидим тут!

– А ты ляг, – спокойно посоветовал Сосновский.

Машина въехала во двор, охранники в гражданских костюмах тут же закрыли высокие ворота. Шелестов ждал своего начальника на веранде. Платов легко взбежал по ступеням и остановился, глядя на развешенные на веревке брюки.

– Отстирал уже?

– Так точно, – помедлив, ответил Максим.

Врать в его положении было глупо. Да и не хотелось. Платов умело держал дистанцию, и в то же время отношения между ними за все время существования и работы группы стали ближе, доверительнее. Решения всегда принимал сам Платов, хотя Шелестову и членам его группы приходилось встречаться и с самим всесильным Берией, курировавшим их работу. Нарком задавал тон, он отдавал приказ, ставил общую задачу. А вот ее выполнение, пути решения и тонкости проведения той или иной операции разрабатывались с ведома и при участии старшего майора Платова.

– Пошли к тебе, – коротко приказал Платов и вошел в дом.

Они прошли по коридору мимо общей комнаты, откуда были слышны голоса других членов группы. Платов сбавил шаг, прислушался.

– Как они?

– Готовы выполнить любой приказ, – бодро ответил Шелестов.

Платов поморщился.

Они вошли в соседнюю комнату. Шелестов плотно прикрыл дверь, старший майор недовольно заговорил:

– Максим Андреевич, мне бы не хотелось, чтобы спустя столько месяцев нашей совместной работы между нами возникало недопонимание по некоторым вопросам. Скажите, что это была за выходка в лесу? Хорошо, вы успели застирать брюки и рубашку от крови. Я был в мили-

ции и видел разбитый вдребезги нос. Что это? Пустое фанфаронство, бахвальство перед наивной девочкой, желание похвастаться, мол, вот что я могу? Или стремление сбросить напряжение, выразить протест, на ком-то сорвать зло? Здравый смысл вашего поступка я просто отмечаю, потому что считаю вас умным человеком холодных суждений, профессиональным разведчиком.

– Никто же не установит, что это сделал я, – спокойно ответил Шелестов.

– А если установит? Если какой-нибудь ушлый участковый обойдет окрестности, выяснит у любопытных соседей, кто тут живет и насколько странно поведение жильцов этой дачи? И свяжет способности в рукопашной схватке одного из проживающих с событиями в лесу? Вас никто не обвинит в преступлении, вас даже поблагодарят, только на работе группы можно будет ставить крест. Вы понимаете, что подставили под удар и своих товарищей, и меня, и всю идею вашей работы?

Волнение куда-то ушло. Страха перед Платовым не было вообще. Было только беспокойство, возникавшее иногда на протяжении этих месяцев, что вот очередная операция станет последней, а потом всю группу снова вернут в камеры, и их больше никто и никогда не увидит. Зачем оставлять источник секретной информации? Но с другой стороны, Платову хотелось верить. Был в нем какой-то свой, внутренний, кодекс чести. В разговоре с Платовым не хотелось врать, даже если в этом и была необходимость. С ним хотелось разговаривать откровенно. Максим понимал, что это черта, способность профессионального разведчика – умение располагать к себе, вызывать на откровенность. Но все равно, ему хотелось говорить со старшим майором откровенно, открыто.

– Я могу ответить? – Шелестов посмотрел в глаза Платову.

– Можешь, – ответил старший майор, и голос его выдал. Шелестов почувствовал страшную, накопившуюся усталость, которая, видимо, изматывала Платова из месяца в месяц.

– Я знал, что спасать ту девочку опасно для меня, для группы и для предстоящей операции. Я знал, чем рискую. Но мы всегда рискуем и раньше рисковали. Такая у нас работа. Дело в другом, Петр Анатольевич. И я хотел, чтобы вы это знали. Если пройти мимо, когда два выродка насилуют несовершеннолетнюю девочку, ломая ее будущую жизнь, если пройти мимо другой беды, калечащей чью-то жизнь, тогда зачем все это? Зачем воевать с фашистами, зачем выявлять врагов народа, шпионов, вредителей? Для чего? Ведь все, что сейчас делаем мы, весь наш народ, все мужчины, что надели форму и встали под ружье, не затем ли, чтобы защитить вот таких девочек, женщин, стариков, детей – всех тех, кто не может защититься сам! Зачем тогда вообще жить, если не можешь отвести беду?

– Знаешь, Максим Андреевич, – Платов вздохнул и откинулся на спинку стула, на котором сидел. – Я никогда не считал тебя демагогом. Нет, ты не хмури брови! Я и сейчас не считаю. Но только, чтобы оправдать свой проступок, ты пытаешься подвести под него платформу из высоких понятий.

– Для меня это не просто высокие понятия, – заявил Шелестов, понимая, что переспорить Платова ему не удастся.

– В данном случае это просто неуместно, – продолжил настаивать старший майор. – Вы же разведчик, вы понимаете, что невозможно все и всегда свести к простой математике: что лучше потерять пять человек, чем пятьсот, что лучше сейчас отойти, отступить на километр, чтобы завтра можно было продвинуться вперед на сто.

– Я говорил не об арифметике, – вздохнул Шелестов безнадежно, – я о главных ценностях жизни – о морали, если хотите.

– Нет законов у разведки. И у войны нет законов. О них пишут и говорят журналисты и писатели. А у нас другое – неукоснительное выполнение приказа, достижение цели, поставленной задачи. Невозможно выполнить приказ, но «при условии», невозможно выполнить свой профессиональный долг, но «с оговорками». Жестко? Да, в этом жестокость войны, в этом

жестокость нашей с вами профессии. Поэтому в разведку попадают люди, для которых самое важное в этом мире – их профессия, их долг. Все остальное? Да, оно ниже, оно далеко, оно менее важно. Вот так все просто. И не будем больше об этом. Теперь вы знаете мою позицию. Теперь о вашем задании. Вы познакомились с материалами?

– Да, я ознакомился с подборкой сведений о разведывательно-диверсионных школах абвера, особенностях подготовки и действиях групп в нашем прифронтовом и глубоком тылу. Наша задача будет заключаться в противодействии забросам в наш тыл?

– Вы в курсе событий на Сталинградском направлении? – спросил Платов, сложив руки на столе и пристально взглянув в глаза Шелестову.

– Сталинград? – удивился Максим. – Нас хотят отправить в Сталинград?

– Надеюсь, это профессиональное удивление, а не испуг, – холодно заметил Платов.

– После камер НКВД и имитации расстрела меня мало что может испугать, – не удержался от колкости Шелестов.

– Я надеюсь на это. В Сталинграде вам делать нечего. Это войсковая операция, там работает армейская контрразведка. Вам предстоит другая задача. В нашем глубоком тылу. Но от этого она не намного легче.

Глава 2

Самолет болтало нещадно. Обойти грозовой фронт пилотам удалось, но теперь пришлось снова возвращаться на заданный курс. Ночью, при почти полном отсутствии ориентиров и пользуясь лишь угловыми параметрами и скоростью самолета, курс рассчитать можно было только приблизительно.

В открывшейся двери пилотской кабины показалось лицо штурмана.

– Тридцать минут до места выброски. Ждите! – коротко сообщил он по-немецки.

Ведерин кивнул. Из всей группы он один немного понимал немецкий язык, но ответить не решился. Его тошнило от этой болтанки так, что, казалось, открой рот – и тебя тут же вывернет наизнанку. Тем более что Илью Пашко рвало в хвосте самолета уже больше часа. «Хорош диверсант», – с омерзением подумал Ведерин и посмотрел на сидевшего напротив Санина. Архип хоть и выглядел бледным, но на лице – ни гримасы, ни намека на рвотные позывы. Как каменный! Истукан.

Перехватив взгляд старшего группы, Санин вопросительно посмотрел на Ведерина.

– Тридцать минут! – крикнул Григорий, перекрывая гул моторов, и показал одной рукой три пальца, второй – ноль. – Выходим на точку!

За темными стеклами иллюминаторов вдруг стали вспухать яркие огненные шары, превращающиеся в белесые облака и снова тающие во тьме. Самолет резко накренился и стал набирать высоту, уходя из-под заградительного огня. Вдруг машину резко тряхнуло, потом еще. По полу, почти на четвереньках, к командиру подобрался Пашко, вытер рот рукавом фуфайки.

– Сядь! – приказал Ведерин. – Скоро прыгать!

– Конец нам, – взвизгнул Пашко, когда очень близко разорвался очередной зенитный снаряд.

– Заткнись, – процедил сквозь зубы Ведерин и ухватился за сиденье руками.

Несколько раз в иллюминаторы транспортника бил яркий свет. Проектора пытались захватить самолет и удержат, но летчики умело уходили от захвата. Несколько минут шла погоня, игра в пятнашки со смертью, а потом все стихло.

Диверсанты замерли на своих дюралевых лавках. Каждый ждал, что вот-вот откроется дверь пилотской кабины. Будто холодной волной окатило внутренности каждого, когда эта ненавистная дверь открылась и показалось лицо штурмана.

– Прыгать! Сейчас. Мы на месте выброски.

– Встать! – рявкнул Ведерин, поднимаясь на ноги и придерживаясь за поручни. – Пошли. Архип, мешки к люку.

Санин наклонился и подтащил ближе к люку мягкие контейнеры с имуществом группы. Бледного Пашко пришлось подталкивать в спину. Осмотрев его парашют, Ведерин пристегнул его вытяжной фал к тросу под потолком.

Штурман распахнул дверь, и в лицо ударил холодный ветер. Пашко шагнул было вперед, но у самой кромки люка вдруг остановился.

– А, мать твою, – буркнул со злостью Ведерин и сильным ударом в спину вытолкнул подчиненного наружу.

Санин посмотрел на командира, коротко кивнул и кинулся в проем люка, как учили, головой вперед. Ведерин, пристегнув карабинами вытяжные фалы парашютов к тросу, один за другим выбросил мягкие контейнеры. Сделав глубокий вдох, бросился в темную пропасть сам.

Вокруг расстилалась непроглядная тьма. После рывка раскрывшегося парашюта Ведерин повис на стропах, чуть покачиваясь. В какой-то миг он вообще потерял ориентацию в пространстве – где самолет, где низ, где верх? Понимая, что в нем поднимается паника, Григорий стиснул зубы и стал всматриваться в темноту. Вот короткий проблеск света. Кивнули фары

машины и исчезли. Где-то машина едет по ухабам. На несколько секунд водитель включил фары, чтобы рассмотреть дорогу. Чуть левее в воздухе мелькнуло белое полотнище купола парашюта. Это или Архип, или один из контейнеров.

И вдруг чернота внизу стала надвигаться. Ведерин машинально поджал ноги. Земля, лес, река – что там сейчас? Ясно, что не город, не крыши домов.

Земля появилась из черноты сразу и больно ударила по ногам. Григорий, как учили, повалился на бок, и его потащило по земле. Но полотнище быстро наткнулось на куст и остановило движение, трепеща на ветру и хлопая краями, как раненая птица крыльями.

Отстегнув стропы, Ведерин встал на ноги и, озираясь по сторонам, принялся собирать в комок свой парашют. Главное, смотать его, чтобы не белел в темноте, не привлекал внимания. Спрятать можно и потом, и еще – надо найти остальных и контейнеры.

«Чертовы пилоты, проклятые немцы! Куда сбросили?! Мы для них скоты, расходный материал. Если потеряли ориентиры, то должны были вернуться на базу, а они, видимо, приказ выполняли. Выбрасывать все равно. Хотя нас учили вживаться, нам преподавали обстановку в тылу, нам объясняли, как пробираться к объекту по советской территории даже за сотни и тысячи километров».

Обмотав смятый купол стропами, Ведерин сунул его под куст. Осмотревшись, понял, откуда дует ветер, проследил направление, по которому его тащило по земле, решил, что его люди должны были приземлиться южнее.

Через пятнадцать минут Григорий нашел первый контейнер. Купол, зацепившийся в поле за небольшую кривую березку, трепало на ветру. Второй контейнер должен быть поблизости, он ведь вытолкнул их оба с интервалом всего в несколько секунд. Он нашел его на опушке леса, где матерящийся Санин пытался стянуть парашют с густой кроны дерева.

– Ты как, цел? – спросил Ведерин.

Санин обернулся, его рука дернулась к кобуре на ремне.

– А, это ты... Вот сука, не достать его никак. И оставлять нельзя. Утром первый же колхозник заметит и позвонит куда следует!

– Колхозник, – зло повторил Ведерин. – Знать бы еще, куда нас выбросили. Хорошо, если колхозник, а то, может, в километре большой город, тогда нам крышка! Брось пока. Пошли Пашко искать, потом в одном месте все закопаем или в реке утопим, если такая поблизости найдется. Если нас сбросили, как и планировали, то западнее Саратова полно мелких речушек.

Разойдясь в стороны метров на десять, Санин и Ведерин двинулись туда, где мог приземлиться третий член группы. Они обошли небольшой перелесок, спустились в заросшую кустарником балку. Пашко нигде не было. «Неужели сбежал?» – подумал со злостью Ведерин. Сейчас его беспокоило, что своим поступком Илья выдаст их. Глупо попадетсЯ первому же милиционеру, без документов, с оружием. Хотя оружие он может и выбросить.

– Вон он! – крикнул Санин и побежал куда-то вправо.

Ведерин повернулся и стал смотреть в указанном направлении. Теперь и он заметил, что в кустарнике что-то белеет. Неаккуратно скомканный парашют на ветру расправил один край, и тот теперь трепыхался, как небольшой флаг.

– Здесь я, чего вы! – оскалился в невеселой улыбке Пашко, появившись из-за дерева. В руке он держал пистолет, который сразу же опустил. – Я уж думал, НКВД или милиция.

– Забирай парашют и пошли! – приказал Ведерин, наблюдая, как Илья неторопливо убивает пистолет в кобуру. – Мы нашли контейнеры, надо все спрятать и уходить отсюда. На рассвете могут появиться поисковые группы с собаками.

Стащить с дерева парашют не удалось даже втроем. Как диверсанты его ни дергали, гибкий ствол и ветки пружинили, а ткань плотно сидела на них и никак не желала сползть. За час упорной работы удалось стащить только треть купола, но дальше дело не двигалось.

– Илья, лезь на дерево, – приказал Ведерин. – Ты самый легкий. Срежь полотно и стропы, а мы будем стягивать.

Пашко послушно полез на дерево. С его помощью наверху дело пошло быстрее. Но тут раздался треск ломающихся сучьев, и третий член группы с криком полетел на землю. Ведерин и Санин подбежали к нему.

– Что?

– Нога, – простонал Пашко, пытаясь упереться руками в землю и сесть. Там... в голени...

Санин молча достал нож и распорол кирзовый сапог. Пятно крови на штанине и бугор с левой стороны ясно говорили о том, что у Пашко открытый перелом. Сломанная кость проткнула мягкие ткани и вышла наружу.

– Ребята, как же я... – стонал Пашко, бледя лицом от боли и страха.

– Спокойно, – похлопал его по руке Ведерин. – Сейчас шину сделаем и отнесем тебя в ближайший населенный пункт. Пустяковая операция.

– Да кто же меня будет лечить...

– Документы у нас надежные, добротные сделанные, – добавил Санин. – Не липа какая-то, а настоящие, просто грамотно фотографии переклеенные. Комар носа не подточит.

– Дай ему водки выпить, – поднимаясь с колен, приказал Ведерин. – Пошли в лесок, срубим пару жердей подходящих.

Отойдя от того места, где лежал Пашко, Ведерин схватил за руку Санина.

– Слушай, Архип, – глаза Григория смотрели недобро. – Нам с этим грузом далеко не уйти. Мы и так приземлились черт знает где. Нам бы самим выкарабкаться да в нужный район выйти. А с ним даже и думать нечего.

– Ясно, что про больницу мы так просто сказали, – кивнул Санин. – Крышка нам с ним.

– Вот и давай, – буркнул Ведерин. – Только тихо.

– Я? – Архип с усмешкой посмотрел на командира. – А чего не сам-то? Ладно. Своя шкура дороже!

Держа нож в руке так, чтобы его не видел раненый, Санин подошел к Пашко. Но тот, казалось, и сам все понял. Он застонал от боли, стал отползать, волоча по траве покалеченную ногу. Глядя с ужасом на подходившего товарища, зашептал, как в бреду:

– Архип, не надо... Ты что, Архип? Гриша же сказал, что в больницу... Дело пустяковое, сказал же... Документы-то хорошие, Архип! Гри...

Санин навалится на Пашко всем телом, зажимая ему рот рукой. Нож легко вошел сбоку в горло. Пашко забился, стал хватать своего убийцу за фуфайку. Кровь толчками хлестала из раны, заливая траву. Постепенно силы его оставили, Пашко затих.

Парашют решили оставить на дереве. И так следов приземления в этом районе не скрыть. Слишком уж их много. Теперь главное – самим ноги унести. Снаряжение, взрывчатку, оружие и запасную одежду в контейнерах тоже придется бросить. Налегке легче уйти.

Ведерин и Санин вытащили только по одному пистолету и по несколько запасных обойм с патронами. После короткого совещания решили, что двигаться лучше на восток. Так больше шансов выйти к Волге, а там сплавиться на лодке подальше от этого места, или к железной дороге – там можно запрыгнуть на проходящий товарняк. Никакие собаки уже будут не страшны. А уж дальше как получится.

Когда совсем рассвело, Ведерин увидел вдалеке дым из трубы паровоза. Звук не доносился, но столб дыма, которым играл ветер, то укладывая его набок, то растаскивая по кронам деревьев, был виден хорошо. Не больше трех-четырех километров, решил он. Если никто не помешает, тут всего минут тридцать быстрого шага.

Но уйти они не успели. Всего в ста метрах от последнего места их остановки диверсантов окликнули из кустов. Судя по тому, что окликнувшие их люди не показывались, было понятно, что это «секрет», укрытый дозор бойцов НКВД, блокировавших район высадки парашютистов.

– Бежим! – крикнул Санин и, дважды выстрелив в сторону кустов, бросился к лесу.

Ведерину ничего не оставалось, как тоже сделать несколько выстрелов и броситься за напарником. Он старался бежать зигзагами и не приближаться к Архипу. Вдвоем они слишком удобная мишень для автоматчиков. Он даже начинал подумывать о том, чтобы разделиться и уходить по отдельности. Одному легче скрыться.

Винтовки хлестко били вслед. То одна, то другая пуля со злобным свистом пронеслись над головой, несколько пуль ударились в землю возле ног Ведерина. Он бежал, старательно выписывая зигзаги, решая – или это он так умело уворачивается от пуль, или стрелки никудашные попались. Выбросив пустую обойму, Ведерин вставил в пистолет новую, но тут впереди из-за дерева вдруг выскочил молодой парень в кирзовых сапогах и кепке с большим козырьком. Он вскинул автомат и дал длинную очередь по диверсантам.

Санин сразу рухнул на землю как подкошенный. И по тому, как он упал, как вывернулась его рука и подогнулась нога, Ведерин сразу понял: Архип убит наповал. Разрядив пистолет в сторону деревьев, Григорий бросился к оврагу, но неожиданно ощутил тупой удар в затылок. Боль он почувствовал через секунду, когда голова будто наполнилась огнем. А потом темнота...

– Сколько вам раз объяснять! – зло выкрикивал высокий мужчина в форме, идя по полю и зло отмахивая рукой, будто рубя шашкой. – Живьем брать надо, живьем! По ногам стрелять, раз не получается заставить остановиться и поднять руки. Это не фронт, не передовая, где врага уничтожают любым способом. Нам сведения нужны, доказательства.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, – хмуро басил шедший следом за оперативником мужчина с пышными прокуренными усами, в коротком заношенном пиджаке. – Ребята не обучены. Но они не испугались, не дали уйти врагу. Это же не солдаты, а истребительный батальон из простых рабочих, кто и фронта-то не видал.

Маринин остановился, повернулся к спутнику и молча посмотрел ему в глаза. Говорить и спорить было бесполезно. Тем более что он лично руководил операцией, в случившемся есть и его доля вины. А сетовать на бойцов батальона глупо. Они под пулями в большинстве своем ни разу не были, но они и вправду не испугались вооруженного врага и вступили с ним в бой.

– Глеб, не грехи на ребят, – уже тише добавил рабочий. – Не виноваты они. И так двое раненых. Больно уж из пистолетов пуляли эти диверсанты умело. Не глядя, а двоим нашим досталось.

– Ладно, Кузьма Иванович, – отмахнулся Маринин. – Извини, погорячился. Пошли второго смотреть.

– А что, их двое только было или еще кто есть? Бегают по нашим местам?

– Третий есть, – останавливаясь возле тупа с простреленной головой, ответил оперативник. – Судя по найденным парашютам и содержимому контейнеров, их было всего три человека. При приземлении третий, видать, ногу сломал. Так они его и прирезали, чтобы не мешал в пути и нам в руки не попался.

– Вот зверье-то, вражины, не люди, – покачал головой Васьков и сплюнул на землю. – Свои своего, значит. Ну и хрен с ними, Глеб, пусть сами своих убивают, нам же меньше работы. Пусть они там хоть все друг друга перегрызут, как крысы в подвале!

Совещание в штабе войск ПВО в Куйбышеве проводилось деловито и очень энергично. Все самое важное происходило за день до самого совещания, у генерала Громадина, и на следующий день. Но собрать командиров, представителей частей и соединений, которые активно оборонялись, сдерживали врага на передовой и в тылу, было крайне необходимо. Именно штаб войск ПВО, именно энергия и опыт Михаила Степановича Громадина координировали эту борьбу на всех участках обороны. Многие знали, что именно усилиями генерала Громадина Москва не понесла тех разрушительных потерь во время бомбардировок, которых так боялось

руководство. Именно генерал Громадин доказал необходимость и добился передачи войскам ПВО нескольких авиационных подразделений, создал условия работы ночных истребителей и высотных самолетов-перехватчиков.

– Я хочу подвести итог, товарищи. – Громадин вернулся от карты к столу, аккуратно положил указку и посмотрел на сидевших перед ним командиров. – Все вы прекрасно знаете, что во время ведения боевых действий важно все: и личное мужество каждого бойца и командира, и боевая выучка подразделений, и максимальная эффективность применения боевой техники. Но не будем забывать и о взаимодействии частей, соединений и родов войск. Очень хорошо показала себя на Волге под Сталинградом Каспийская флотилия! Больше скажу, моряки, когда было нужно, сами понимали правильно задачу и выдвигались на помощь Волжской флотилии. Кажется, только вчера моряки сбили немецкий бомбардировщик под Камышиным?

Вопрос не был адресован кому-то конкретно, но вице-адмирал Седельников поднялся и подтвердил.

– Так точно. За прошедшую неделю мы помогали нашим соседям дважды, когда немецкие армады и отдельные самолеты прорывались к Саратову, к нефтепромыслам, заводам и мосту. Наши дымоустановщики всегда на связи и готовы прикрыть мост и береговые хранилища.

– Это очень хорошо, – согласился Громадин. – Вместе со средствами ПВО, Волжской флотилией, с береговыми батареями и эскадрильями истребителей можно создать на пути к Саратову, а самое главное, к железнодорожному мосту, непроницаемый барьер для вражеских самолетов.

Обсуждение близилось к концу. Пошли уже чистые эмоции, а конструктивные предложения и приказы прозвучали ранее.

Шелестов, как и его товарищи, одетый в армейскую форму, посмотрел на часы. Кажется, ситуация проясняется. Видимо, в этом направлении и предстоит работать группе. Что ж, сейчас представление о ситуации получили. Атаки с воздуха на заводы, на мост отражаются, но участились случаи заброски диверсионных групп. Враг пытается использовать все возможности.

Когда прозвучала команда «встать, смирно», а затем «все свободны», Шелестов одернул гимнастерку, расправил складки под ремнем и повернулся к товарищам:

– Я думаю, что нам придется работать по противодействию диверсионным группам. Платов приказал дожидаться его. Он введет нас в курс дела. Но ситуация ясна. Так что готовьте свои предложения, ребята.

– Вчетвером? – Сосновский улыбнулся снисходительно. – Глупо надеяться на результат в ближайшие полгода. Это как армаду самолетов четырьмя зенитками остановить. Тут система нужна. У них система ПВО, а у нас система розыска должна быть.

– Я думаю, что здесь не все так просто, – покачал головой Буторин. Он пригладил на голове ежик седых волос и добавил задумчиво: – Массовым розыском вполне эффективно занимаются органы НКВД и милиция. Думаю, у нас более конкретное задание.

– Что вы гадаете, как на кофейной гуще? – Коган обвел своих товарищей взглядом. – Всегда не любил делать выводы при недостатке информации. Так недолго в своих рассуждениях уйти далеко в сторону. А у нас с вами, как вы помните, нет права на ошибки. Загребим назад, как несправившиеся, не оправдавшие, так сказать, доверия. Мне вот непонятно другое. Что это наш старший майор, вместо того чтобы поставить задачу, а потом отправить нас примериваться к ситуации, сделал все наоборот. Сначала посадил здесь слушать обо всем, а потом придет и уточнит задачу. Нерационально.

– Ты, Борис, еще не понял, что Платов опытнее нас всех, – констатировал Шелестов. – Если он так поступил, значит, процесс нашей подготовки к операции пойдет эффективнее.

– Не зря же Максим Андреевич два дня сидел на Лубянке с материалами по диверсионным школам, – хмыкнул Соколовский. – Теперь этот ликбез по мерам противодействия. Понятно, что теперь время третьего хода.

– Пожрать бы сейчас, – неожиданно вставил Буторин, когда все в задумчивости замолчали.

– Товарищи командиры! – в дверях появился молодой лейтенант в ладно подогнанной форме и скрипучих новых хромовых сапогах. – Вас просят пройти в комнату 17.

Платов вошел в комнату почти следом за членами группы. Внимательно посмотрев на присутствующих, он, видимо, остался доволен. Шелестов опять отметил, что старший майор умудрялся видеть и внутреннее состояние, настрой человека, его готовность или наличие в нем сомнений. И сейчас Платов понял, что группа в состоянии выполнить задание, нужна лишь вводная команда и несколько консультаций по чисто техническим вопросам. «А ведь правильно, – решил про себя Максим. – Платов добился того, что мы сами почувствовали, осознали ситуацию. И сами внутри, в своей голове, уже наметили пути выполнения задачи. Это самый лучший и надежный путь. Так лучше, чем изнурять человека долгими лекциями и наставлениями».

– Прошу садиться, – коротко бросил Платов и уселся на стул посреди комнаты, дожидаясь, пока группа рассядется на свободные стулья вдоль стены.

Старший майор закинул ногу на ногу, а сверху положил принесенную с собой папку. Открывать он ее не стал, значит, разговор будет коротким. Выдержав небольшую паузу, Платов заговорил:

– Итак, вы знаете из сводок и поняли по итогам совещания, что враг рвется к Нижней Волге, к Каспию и Кавказу. Второй год войны сказывается и на Германии. Ресурсы врага не безграничны. Им нужна нефть. С другой стороны, враг хочет помешать нам своевременно подвозить к линии фронта ресурсы, пополнение, технику. И в данной ситуации, в то время как положение на юге накаляется, очень важным для немцев является уничтожение стратегически важного для этого района железнодорожного моста через Волгу. Уничтожь они сейчас мост – и сорвутся поставки, отодвинутся сроки. И немцы сразу же нанесут удар! Вам понятно, в какой обстановке придется работать? Вражеская агентура активизируется, заброска диверсионных групп в промышленные районы Поволжья и в район Саратовского моста увеличивается.

– Разумеется, наша задача не касается охраны моста, – кивнул Шелестов.

– Разумеется, – согласился Платов. – Нужна информация. Неэффективно ловить каждого в отдельности диверсанта. Нужно знать, где, в каких школах готовят их для заброски в Поволжье, с каких аэродромов взлетают самолеты с парашютистами. Каковы цели, методика диверсии, оснащение. И, что тоже важно, необходимо установить, кто им помогает здесь.

– Действуем официально? – не удержался от вопроса Буторин.

– Если допустить, что есть хоть малейший шанс утечки информации, то вся операция полетит к чертям, – покачал головой Платов и раскрыл наконец свою большую кожаную папку. – Документы я вам принес. У каждого будет гражданский паспорт, командировочное удостоверение, карточка довольствия. Это все для милиции и патрулей.

– А если начнут проверять, – задумчиво проговорил Сосновский, – куда прибыли, где отмечались, а нас там и в глаза не видели, и слухом не слыхивали?

– Не доводите до того, чтобы вас взяли под микитки и начали потрошить, – строго ответил Платов. – На этот случай, но только на самый крайний, у вас будут и удостоверения сотрудников НКВД. Имейте в виду, что каждый раз, когда вы его достаете, вы подставляете под удар всю операцию. Дам я вам один контакт. Это человек из местного управления НКВД, который будет в курсе операции, будет вам помогать, прикрывать, если понадобится, и поддерживать. Но еще раз повторяю: ваша главная сила в том, что никто не будет знать, кто вы, откуда и зачем прибыли на место!

– Все как обычно, – подвел итог Шелестов. – Остальное мы планируем сами?

– Да, – кивнул Платов. – Связь со мной по мере необходимости. Если мне понадобится с вами связаться, я найду, как это сделать.

Храпов сидел за столом в своей комнате, которая была для него и спальней, и кабинетом. Увы, приходилось ютиться и довольствоваться тем, что дают немцы. Они пока хозяева положения. Бывшему штабс-капитану нравилось это слово – «пока». Оно вселяло надежду, помогало бороться с хандрой и желанием опустить руки, плюнуть на все. Храпов боролся, стараясь не замечать, что иногда его посещают мысли о самоубийстве. Как все просто: сунул руку в кобуру, достал «вальтер» и – к виску его. Только одно движение пальцем – и никаких проблем, терзаний, ненависти к врагам и жалости к себе. Подкупала и привлекала именно простота действий – одно движение указательного пальца на спусковом крючке пистолета.

«Кого я больше ненавижу? – то и дело задавался вопросом Храпов. – Немцев, немецкую разведку или большевиков?»

Перед ним сидел военнопленный Агафонов. Сухощавый интеллигентный городской житель, в прошлом мелкий служащий. Сорок два года. И даже не стоит задаваться вопросом, как этот человек попал в плен. Не солдат, не боец, в меру трусоват. Но приказы выполнять будет. Опять же из трусости. Трусит перед Храповым, перед своими бывшими командирами, перед советской властью. Ему бы только вернуться после выполнения задания и зажечь тихой спокойной жизнью. Скотинка, которой бы только дали пожрать и не трогали.

Храпов подумал о другом военнопленном по фамилии Кочетков, включенном в его группу. Он только что сидел вот на этом же стуле. Молодой, крепкий, в меру наглый, в меру хитрый, хотя и не большого ума. Этот цель имеет, а принципов у него мало. Предал своих, предаст и новых хозяев, если представится случай. Наверное, если его станут допрашивать в НКВД и пообещают прощение, он выдаст всех и вся! И в плен снова сдастся кому угодно, если ему это покажется выгодным.

– Можете идти, Агафонов, – сухо приказал Храпов военнопленному.

Тот торопливо поднялся, неумело щелкнул каблуками, а потом совсем по-граждански старомодно попытался поклониться. Храпов задумался на миг, прежде чем звать следующего члена группы. Не ошибается ли он? Нет, нельзя набирать людей однотипных. Когда имеешь дело с предателями родины, всегда надо придерживаться принципа «разделяй и властвуй». Ему с этими презренными типами не новый мир в России строить, они нужны только для одного грязного дела. Расходный материал. И хорошо, что в группе будут два уголовника. Неприязнь других? Да, но они не сговорятся, не найдут общего языка против командира. Каждый будет предан по-своему, каждый будет бояться и ненавидеть по-своему. Да, к этому Храпов был тоже готов, члены его группы будут его не только бояться, но и ненавидеть. Каждый индивидуум ненавидит того, кто опускает его в собственных глазах. Эти люди знают, что в глазах Храпова они предатели и ничтожества, и они его будут ненавидеть за это. Смешно, но они будут ненавидеть другого человека за то, что сами предатели и ничтожества.

Последним вошел Матвей Лыков. Глаза бывшего танкиста Красной Армии смотрели заискивающе. Этот молодой мужчина как будто постоянно искал поддержки у Храпова, хотел встретиться с ним взглядом. Но на людях держался независимо, был угрюм и неразговорчив. Лыков регулярно докладывал своему начальнику обо всем, что происходило в группе: обо всех разговорах, сомнениях и подозрениях. Начал делать он это добровольно почти сразу. На второй день, когда группа была сформирована, он сам поздно вечером напросился на доверительную беседу и стал рассказывать о своих товарищах. И делал это Лыков постоянно на протяжении полутора месяцев, не прося награды, не требуя благодарности. Храпов много думал о своем доносчике. То ли это натура такая у человека, то ли он пытается заслужить доверие, лояльность и надеется в дальнейшем оказаться поближе к начальству и поменьше рисковать

жизнью. «С какой же мразью приходится работать», – часто думал Храпов, вспоминая, что во время Гражданской войны царских офицеров в рядах красных называли «белоручками», «голубой кровью». И вот до чего докатился поборник чести и защитник Святой Руси.

– Говори, Матвей, – разрешил Храпов, подвинув на край стола пачку немецких сигарет.

– Уголовники, Аркадий Андреевич, того... ведут себя нехорошо.

– Плеткин и Бурлаков? – Храпов удивленно поднял глаза на бывшего танкиста. – Ты кури, кури, Матвей. И в чем же это выражается?

– О чем-то сговариваются, шепчутся, других задирают. А как вы приходите или при инструкторах, так сразу ведут себя прилично. Как все.

– Так, может быть, для них тут среда непривычная. Они ведь привыкли общаться с себе подобными. Вот и раздражает их все. Они ведь себя показали дисциплинированными членами группы. И что? Конфликты были с кем-то?

– Не было, – замотал головой Лыков. – Этого они не допускают.

«Выдумывает, – подумал Храпов. – Хочет полезным казаться». Он и без доносчика знал, что уголовники сторонятся других курсантов, стараются держаться вместе, с подобными себе. Так что это не новость. Больше всего командира группы волновали те, кто попал в школу не по своему желанию, а из-за безвыходной ситуации. Можно ли таким верить, полагаться на них?

– А что Агафонов и Кочетков?

– А что им? Они друг друга держатся. Не скажу, что дружат. Молча сидят, курят. Пытался я их на разговорчики всякие вытянуть. Не идут. Отворачиваются. Но подготовку проходят как все. Стараются – этого скрывать не буду. Уголовники тоже стараются.

Из всего, что ему говорит Лыков, командир группы отбрасывал и не принимал к сведению больше половины. Но все же атмосфера в группе ему рисовалась благодаря доносчику вполне реалистичная. И она никак не выбивалась из тех рамок, которые казались Храпову правдоподобными. Так все и должно было быть, так и должны вести себя бывшие военнопленные, попавшие в плен случайно, дав на поле боя в трудную минуту слабину. И уголовники ведут себя так, как и должны в подобной ситуации. У них выбора нет. Иначе – лагерь за преступления на оккупированной немцами территории. А немцы уголовников не жаловали, не нужны они им. И на советской территории Плеткина и Бурлакова ждал лагерь, если не расстрел. Так что выбора нет ни у кого в группе. И все прекрасно об этом осведомлены.

И у самого Храпова, попадись он в руки НКВД, шансов нет. Бывший белый офицер, член РОВС, добровольный помощник врага, командир диверсионной группы, проникшей на территорию Советского Союза с целью совершения диверсии в пользу немцев. И как ни унижительно было убежденному борцу с большевизмом штабс-капитану Храпову сражаться вместе с отребьем, иного выхода у него не было. От того, как работает в тылу его группа, будет зависеть и его жизнь.

На спортивном городке группа работала удовлетворительно. Храпов устроил экзамен без скидок и поблажек. Бывшие уголовники Плеткин и Бурлаков бегали плохо, мешала одышка. Лыков даже заподозрил и сразу же доложил командиру, что эти два типа откуда-то наловчились доставать травку, которую курили поздним вечером в туалете на улице. Сам Лыков был неугомонным и на полосе препятствий, и на спортивных снарядах.

Агафонов и Кочетков выполнили все задания на грани допустимого. «Прикидываются или правда так слабы? – вдруг подумалось Храпову. Он смотрел на своих подчиненных и не видел, чтобы двое бывших военнопленных дышали, как загнанные лошади. – Не хотят выкладываться до последнего? Но ведь они понимают, что, выгони я их из группы, они попадут в лагерь. Лучше бы уж старались, стремились сбежать, когда их забросят на советскую территорию. Такое поведение было бы понятно».

Храпов хорошо понимал, что лучших агентов ему не найти, не сможет он выбрать здесь такой материал, из которого можно подготовить смелых, решительных, знающих диверсантов.

Да еще и преданных антибольшевистскому делу. Нет, сойдут и эти. Сделают свое дело, и можно в расход, или пусть катятся к своим немецким хозяевам. Не сделают, там он их и порешит.

– А теперь минирование! – приказал Храпов. – Агафонов и Кочетков минируют. Лыков вперед, наблюдать за приближением состава. Бурлаков, Плеткин прикрывают. Начали!

Курсанты бросились к столу, на котором было разложено снаряжение. Храпов, хмуря брови, одернул поношенный чистый френч, расправил ремень и пошел неторопливо следом. Оружие на время тренировок и обучения использовалось учебное. Боевое применялось лишь во время стрельб. А вот взрывчатка была настоящая. Ее командир группы получал под расписку, а потом составлял акт об использовании в учебных целях. Диверсанты должны привыкать к тому, что они устанавливают настоящие мины с настоящими детонаторами и производят настоящие взрывы. Не такие сильные, правда, но рельсы и деревянные шпалы на полигоне повредить можно.

Курсанты схватили автоматы ППШ, трое побежали к учебному железнодорожному полотну, деловито осматриваясь по сторонам. Группа прикрытия. Лыков отдалился метров на пятьдесят и присел на одно колено, изображая, что прислушивается, не идет ли состав. Бурлаков и Плеткин расположились неподалеку от минеров, направив оружие в противоположные стороны, готовые «открыть огонь», если появятся милиция или бойцы НКВД.

Агафонов и Кочетков без лишней суеты подхватили вещмешок, побежали к куску железнодорожного полотна, выложенного на насыпи недалеко от опушки леса, и стали старательно делать подкоп. Потом Агафонов оставил лопатку и достал динамит. Все делалось правильно: подкоп на нужную глубину, закладка динамита, маскировка, установка взрывателя с огнепроводящим шнуром. Решение принимать Агафонову. Тот приподнялся с земли, осмотрелся, увидел каждого члена группы и свистнул, подняв вверх руку. По этой команде все бросились к лесу. Агафонов поджег шнур и побежал следом.

Грохнуло через тридцать секунд. По ушам ударило взрывной волной, в воздух взлетели обломки шпалы, земля и щебень. Храпов потряс головой и посмотрел на часы. Группа уложилась в нормативное время. Хорошо, хотя есть замечания. Но это потом. Сейчас второй состав.

– Группа, ко мне! – гаркнул бывший штабс-капитан и, дождавшись, пока все пятеро построились перед ним, приказал: – Плеткин и Бурлаков минируют. Лыков и Агафонов прикрывают. Кочетков – в дозор! Начали!

И снова завертелась отработанная за полтора месяца карусель. Храпов засек время и смотрел, как действуют курсанты. Все шло по плану. Немного неуклюже, но в целом все действовали правильно. По привычке ухмыляясь, Плеткин упал на песок и стал вместе с напарником копать под рельсом. Вот прошло время на подготовку. Медленно! Надо поторопиться. Вот и призывный свист. Плеткин поднял руку, и группа бросилась в укрытие на опушке леса. Побежал и Бурлаков. И тут неожиданно раздался взрыв. Взметнулось в воздух облако дыма, полетел песок со щебнем, бывшего уголовника отбросило в сторону от полотна.

От неожиданности Храпов споткнулся. Черт! Что такое? Такого не могло быть, но это случилось!

Видимо, охранник с вышки доложил по полевому телефону о случившемся. Из здания администрации школы уже бежали капитан Лун и несколько инструкторов. Плеткин лежал на спине, широко раскинув руки и ноги. Лица у него не было. Вместо него – сплошное кровавое месиво. И только одна нога подергивалась, елозя каблуком кирзового сапога по песку.

Группу арестовали до выяснения обстоятельств самопроизвольного взрыва динамитной пашки. Даже самого Храпова посадили в его комнате под домашний арест. Нелепо было сознавать, что все разбирательство сведется к выяснению причин взрыва – было оно непроизвольным или умышленным. Судьба курсанта не волновала никого. «Расходный материал, – привычно подумал Храпов и зло усмехнулся. – Мы все для них – расходный материал».

Матвей Лыков босиком, стараясь ступать неслышно, подошел к двери. Агафонов и Кочетков, в одних кальсонах, курили у входа в казарму. Это было нарушение. После отбоя вставать, а тем более выходить на улицу было запрещено.

– А если найдут? – тихо спросил Агафонов.

– Хрен там чего найдешь, – зло бросил Кочетков и сплюнул. – Все в пыль разнесло. А догадки пусть себе к гульфику пришьют!

Лыков почесал подбородок и усмехнулся. Он помнил несколько стычек Кочеткова и уголовника Плеткина по кличке Плетень. Один раз даже чуть до драки не дошло, да Храпов помешал. Прекратили вовремя. Что-то там Плетень съехидничал по поводу жены Кочеткова, оставшейся на оккупированной территории под Смоленском.

Глава 3

Ночь была тревожная, отдохнуть не удалось. Группу рассредоточили по всему составу, по разным вагонам. Сидя в общем вагоне на жесткой полке, Шелестов пытался поспать. И какое-то время ему это удавалось, пусть и урывками.

После отправления из Самары все было спокойно. Но потом состав остановился. Было слышно, как где-то выла сирена, били зенитки. Пассажиры стали волноваться, кто-то принялся рассказывать, что вот так же в прошлом месяце стояли, а потом разбомбило так, что ни одного целого вагона не осталось. Сразу же послышался суровый голос, приказавший не распускать панические слухи. Всего-то две бомбы упало возле полотна, и то потому, что немецкие самолеты драпали и сбросили свой груз где попало. Никто пассажирский состав специально не бомбил.

Потом были остановки на других станциях. Командировочные, местные жители с узлами шли по вагону, задевая пассажиров, беззлобно переругиваясь. Недалеко от Саратова снова остановились. Теперь уже никто не гадал, все напряженно ждали, прислушиваясь к мерному пыхтению паровоза. И только под утро состав подошел к саратовскому вокзалу.

Было темно. Топот многочисленных ног, чей-то кашель. Почти никто не разговаривал. Все торопливо старались покинуть осточертевшие вагоны, выйти в ночную прохладу привокзальной площади.

Шелестов осмотрелся на темной улице. «Да, – подумал он, – все как в прифронтовом городе – с затемнением. Промышленный центр, до фронта пятьсот верст, а самолеты вражеские долетают, пытаются бомбить».

Нужно было пройти прямо по Ленинской улице и свернуть во двор университетского городка. Там должна собраться группа, и там же их должна ждать машина. Вдруг ночь прорезал вой сирены. За месяцы войны Шелестов давно привык к таким звукам. Они уже не пугали, не хлестали по нервам. Просто сознание и тело уже автоматически искали укрытие. Если рядом нет бомбоубежища, не открыты защитные щели, то лучше держаться подальше от стен домов.

О приближении самолетов Шелестов догадался по тому, что начали бить зенитные орудия. Заметались прожектора, выискивая цели в ночном небе. Заградительный огонь был очень плотным. На северо-западе небо было все сплошь в серых облаках после разрывов, среди них то и дело вспыхивали новые и новые разрывы. Завыла бомба, Максим невольно присел. Черт, это же совсем близко! Где упадет? Нет, не на площадь, но рядом с вокзалом!

Грохот взрыва, и соседние дома осветились яркой вспышкой. Земля дрогнула под ногами, ночной воздух наполнился дымом и пылью. Где-то истошно закричала женщина, послышались сигналы автомашин. А зенитки били и били, не переставая, но теперь лучи уже не металась по небу в поисках цели. Несколько лучей сошлись, цепко схватив одинокий самолет, вокруг которого вспухали облачка разрывов. Но вот самолет резко лег на крыло, и прожектора не успели удержать его в своих лучах. Цель исчезла.

– Окна, окна закрыть! – раздался рядом громкий крик. – Соблюдать светомаскировку!

Увидев милиционера, который стоял под окнами двухэтажного дома, Шелестов поспешил убраться. Сталкиваясь с процедурой проверки документов и выяснения личности сейчас было совсем ни к чему. Подхватив свой небольшой саквояж, Максим поспешил к университетскому городку. Залпы зениток затихли, но где-то на западной окраине в небо все еще поднимались столбы огня и дыма. «Вот тебе и тыловой город, – подумал Шелестов. – И тут как на фронте».

Высокий человек в форме НКВД с двумя шпалами в петлице стоял возле машины и курил. На сиденье лежала фуражка с синим верхом. Все совпадало, и Шелестов решительно

направился к нему. Тот продолжал невозмутимо курить, рассматривая приближающегося незнакомца.

– Здравствуйте, у меня посылка для дяди Вани от его родственника с Урала, – сказал он условную фразу пароля.

– У дяди Вани нет родственников на Урале, – ответил сотрудник НКВД и, бросив окуроч на землю, раздавил его носком сапога. – Все уехали на Дальний Восток на заработки.

– Один остался. Племянник. Ему делали операцию.

– Знаю, он писал. Аппендицит. – Старший лейтенант усмехнулся и протянул руку. – Маринин. Глеб Захарович.

– Здравствуйте, – Максим пожал крепкую руку. – Шелестов. Максим Андреевич.

– Давайте в машину. – Маринин взял с сиденья фуражку. – Где ваши люди? Не стоит тут торчать. И влюбленные парочки по ночам гуляют – студенты, дело молодое. Да и участковые наведываются, за порядком следят. Поговорим по дороге.

Шелестов поднял руку и дважды коротко и негромко свистнул. Из-за угла учебного корпуса появились трое мужчин, торопливо направившихся к машине.

– Хорошо, – усмехнулся Маринин. – На что уж я глазаст... Да и ждал вас, приглядывался. А все равно проморгал. Уважаю. Садитесь, по дороге познакомимся.

Когда Буторин, Коган и Сосновский уселись на заднем сиденье, устроив на коленях свои чемоданы и вещмешки, мощный «ГАЗ-11-73» тронулся с места. Маринин вел машину, видимо не следуя определенному маршруту, а просто колеся по ночному городу.

– Ну, будем знакомы, – кивнул он, когда все члены группы назвали себя. – Сейчас поговорим, а потом я отвезу вас на конспиративную квартиру.

– Кто еще в вашем управлении и в городе знает о нас? – спросил Шелестов.

– Кроме меня только один человек. Но он не знает ваших имен и не знает вас в лицо. Он нужен, я так понимаю, как прикрытие. Работать с вами приказано мне. Снабжать информацией и оказывать любую другую помощь. Вас с ситуацией в городе и области знакомили или как на пожар прислали?

Вопрос был простой, но, как это называлось на профессиональном языке чекистов, «с двойным дном». Если бы сейчас гости из Москвы признались, что ситуацией не владеют, то и отношение к группе было бы несерьезное, и помощь была бы оказана спустя рукава. Серьезные группы так не работают. Даже во время войны. Хорошие оперативники всегда соберут нужные сведения до того, как их кинут в дело.

– Да, в курсе, – спокойно признался Шелестов, уловив одобрительный взгляд старшего лейтенанта. – Наша задача – не бороться с наплывом диверсионных групп, мы не имеем цели вчетвером остановить «Осенний прилив», как он называется в абвере. Наша задача – установить место расположения школы, в которой готовят диверсантов для заброски в область с целью уничтожения железнодорожного моста. А также установить, с каких аэродромов к нам летают транспортники, сбрасывающие этих парашютистов.

– От вас потребуются данные о пособниках, – вставил с заднего сиденья Коган.

– Логично, – кивнул Маринин. – Если есть серьезная цель, то на месте просто обязаны быть люди, которые помогут группе легализоваться, свести с нужными людьми. Короче, им здесь необходимо надежное прикрытие. Хорошо, займусь.

– Слушай, Глеб Захарович. – Шелестов повернулся к Маринину. – А ты был здесь, когда проводилась депортация немцев Поволжья?

– Был, конечно. – Лицо Маринина стало угрюмым. – Заставь дурака богу молиться, он весь лоб расшибет.

– Это вы о чем? – вежливо поинтересовался Сосновский.

– Резон был, не спору. Боялись «пятой колонны», как в Испании. Фронт подойдет, а у нас тут огромный район с немцами. А ну как разыграют национальные чувства? Да и факты пособ-

ничества были, чего греха таить. Но как исполняли постановление, я просто диву давался. Ведь основную массу немцев выселяли как преступников. С собаками окружали целые улицы, выгоняли на улицу с одной сменой белья, с паспортами, в грузовики – и на поезд до Казахстана или на Алтай. За осень 41-го целый район выселили. Можно было иначе.

– Сейчас в Маркштадте спокойно. Там у вас агентура есть? Как настроение тех, кто остался?

– Про Маркштадт забудьте. С мая этого года город называется Маркс. Переименовали.

– Хорошо, отдельно займемся территорией бывшей Республики Немцев Поволжья⁴. Теперь что нам нужно еще... Подходы к мосту. Борис, займешься.

– Займусь, – Коган кивнул. – Надо мне какую-нибудь липу состряпать. Вроде представителя надзорного органа или структуры отраслевого управления. Кто охраняет мост?

– 121-й полк войск НКВД по охране Рязано-Уральской железной дороги, – ответил Маринин.

– Ну, это еще ничего не значит, – хмыкнул Коган. – Надо понять систему охраны, взаимодействие с другими службами, с военными. Мост ведь не просто стрелки НКВД охраняют, его определенная система охраняет. А в любой системе есть слабые звенья.

– Буторина познакомь с вашими истребительными батальонами, – попросил Шелестов и повернулся назад: – Виктор Алексеевич, может, тебе представится бывшим участковым на пенсии или комиссованным? Посмотришь, как они службу несут и почему не удастся живыми диверсантов взять. Ведь приказ такой есть, чтобы живыми брать, а не стрелять всех подряд, как зайцев.

– Есть, – согласился Маринин, останавливая машину. – Да только какой спрос с бойцов истребительного батальона? Там рабочие, кто с «бронью» или кто по здоровью в армию не попал. Они по 12–16 часов у станков, в цехах на сборке. А потом по тревоге в ружье и – в погоню. У многих похоронки в кармане. Озлоблены. Да и неумелые они. Какие из них бойцы, когда каждый всего по паре десятков патронов на полигоне выстрелил? Вот и вся подготовка. А диверсанты сопротивляются как сумасшедшие.

– Между прочим, товарищи, тоже показатель, – спокойно вставил Сосновский, вежливо прикрывая рукой зевоту. – Чего им не отстреливаться? Куда отступать? Фронт далеко, пешком к своим не убежишь. Раз диверсанты не сдаются, значит, у них есть шанс скрыться. Вот и думайте, есть тут пособники или нет. Наверняка у каждой группы имеется своя подготовленная надежная «лежка».

Список неблагонадежных оказался коротким. Шелестова это не удивило, ведь именно неблагонадежных, тех, в отношении кого были подозрения, высылали в первую очередь, а то и просто арестовывали. Скорее всего, список был просто формальным.

А вот другой список Максима заинтересовал больше. Например, те этнически русские женщины, которые были замужем за немцами, но развелись незадолго до депортации или перед началом войны. Таких было много. Подобный развод давал возможность не попасть в список высылаемых. Понимал ли враг, что с началом войны и приближением фронта советские власти пойдут на такой шаг в отношении более чем шестидесяти процентов населения Республики Немцев Поволжья? А теперь, когда война началась и идет уже второй год, сложилось впечатление, что фашистское руководство и абвер многое спланировали и учли заранее. Сумели правильно предвидеть. А может, приложили руку через своих агентов влияния к подготовке тех или иных решений.

⁴ Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья официально перестала существовать 28 августа 1941 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.